

УДК 82

**ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И БИОГРАФИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ
К ПИСЬМУ Б.А. САДОВСКОГО Е.А. САДОВСКОЙ**

© 2018 г.

Ю.А. Изумрудов

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

izumrud.nnov@mail.ru

Поступила в редакцию 19.12.2017

Предлагается историко-литературный и биографический комментарий к впервые публикуемому письму Б.А. Садовского к его сестре Е.А. Садовской от 14 марта 1904 г. Выделяются и подробно рассматриваются такие аспекты письма, связанные с творческой биографией Садовского, как взаимоотношения с В.Я. Брюсовым и художницей О.П. Михайловой (практически неизвестной исследователям культуры Серебряного века). Кроме того акцентируется мотив самовара, концептуально значимый для понимания мировоззренческих основ писателя. Ставится вопрос о влиянии на Садовского философии Г. Сковороды. Приводится первая публикация писем к Садовскому С. Городецкого и В. Рождественского. В статье используются биографический и культурно-исторический методы.

Ключевые слова: Б.А. Садовской, Е.А. Садовская, В.Я. Брюсов, О.П. Михайлова, Г.С. Сковорода, К.И. Чуковский, образ самовара, поэтика.

В настоящее время, как нами уже отмечалось [1], разрабатываются планы подготовки и издания научного собрания сочинений Б.А. Садовского. Оно должно включать и корпус эпистолярных материалов. Фонд их обширен. Пока опубликована самая малая их часть; в основном это материалы, связанные непосредственно с литературной деятельностью Садовского, и по большей части это лишь письма его корреспондентов. Совершенно не затронут эпистолярный родственного окружения, друзей и знакомых (есть только в сокращении публикация переписки Б.А. Садовского и О.Г. Чубаровой-Шереметовой), а письма эти очень интересны и в многообразии своем позволяют судить о неизвестных сторонах жизненной и творческой судьбы Садовского, а также о характере эпохи, атмосфере столичного и провинциального бытия до и после революции. Документы эти находятся как в государственных, так и в частных архивах, а по некоторым материалам ещё предстоит серьёзная изыскательская работа.

Из множества писем Б.А. Садовского мы отобрали для публикации в настоящей статье одно – его сестре Е.А. Садовской. Письмо частного характера, но дает обильную пищу для размышлений об особенностях творческого мировидения Садовского, личностных, мировоззренческих приоритетах.

Письмо написано из Москвы. Садовской на тот момент – студент московского университета. И начинающий литератор. Сотрудничество в знаменитых «Весах», знакомство с видными писателями – всё ещё впереди. И это письмо, на наш взгляд, позволит выявить некоторые мо-

менты, помогающие проследить становление Садовского как творческой личности.

* * *

«Елизавете Александровне Садовской¹.

Вчера получил твое письмо. В Нижнем, говоришь ты, текут ручьи, а у нас здесь давно все стаяло – и погода лучше апрельской. Сейчас встал и собираюсь пить чай, слушая серенаду Грига, которую наигрывает на виолончели другой жилец моей хозяйки. Нынче погода особенно хороша. Я уже прошелся до Филиппова², чтобы купить себе к чаю кренделей. Только вышла досадная вещь: крендели я купил, но совершенно забыл взять чего-нибудь сладкого, т. к. у меня вышло всё своё – и мед, и леденцы. Идти снова лень, и вот теперь придется пить с сахаром.

Вчера был на лекции Бальмонта³ «Уолт Уитман» – так называется один американский поэт. Бальмонт (я стоял от него в двух шагах) очень элегантный высокий мужчина с оригинальным лицом. Недалеко от меня сидел Брюсов с женой. Когда лекция кончилась, Брюсов, встретившись со мной в коридоре, спросил: «Отчего Вы никогда не зайдете в “Весы”?» – «Я зайду подписаться», – ответил я. – «Нет, не подписаться, а приходите во вторник от 6 до 8 – я вам дам работу, писать рецензии, заметки или что-нибудь в этом роде». Я, конечно, с восторгом согласился.

Недавно получил в подарок рисунок красками от одной барышни, любимой ученицы самого Коровина, – её рисунки видел Серов⁴ и одобрил, – она мне предлагала на выбор 3 рисунка – все в строго декадентском стиле; я взял один, который покажу тебе по приезду. Теперь она

пишет иллюстрации к Бальмонту. Это наша нижегородка – дочь П.П. Михайлова, Ольга Павловна. Девушка, для которой вся жизнь сосредоточена в искусстве и которая только и живет в мире красок. Страстная поклонница Бальмонта, в высшей степени симпатичная и чистая душа. Тебе следует с ней познакомиться, хотя как художницы Вы стоите на разных точках, – и она смеётся над «фиолетовыми лицами» карелинских⁵ портретов.

Скажи ты папе, чтобы он перестал беспокоиться о моих экзаменах⁶ – я ежедневно занимаюсь ровно по пяти часам (подчеркнуто, как и далее выделено полужирным шрифтом Б.А. Садовским. – Ю.И.), а перед самыми экзаменами буду сидеть целыми днями. Мне невозможно провалиться, потому что я и теперь уже знаю больше половины всего курса. В прошлом году у нас провалилось из 600 человек 8%. Недавно я разговаривал долго с нашим суб-инспект. (суб-инспектором. – Ю.И.) об экзаменах; так он меня поднял на смех, узнав, что я боюсь. – «Проваливаются, – сказал он, – только те у нас, кто ровно ничего не знает, да и тех профессора просят приходить и экзаменуют по 2 и по 3 раза. Если Вы хоть что-нибудь делали, Вам нечего бояться». Я и сам теперь ничуть не боюсь, потому что римское > право при ближайшем изучении оказалось «пустяками» (японцы, часы). Правда, в нем есть отдела 2 или 3 очень трудных, но ведь и их выучить вовсе не так трудно.

Так вот как, Садская Лизейка! А Борис-то Ведерников⁷ каков? Остался ведь на 1-м курсе, а всем наврал, что на 2-й перешел (только смотри, Боже упаси тебя говорить, что слышала это от меня).

Скажи еще папе, чтобы деньги он мне прислал сейчас же после 20-го, т. к. хозяйка не может ждать деньги за квартиру – она сама должна платить за себя, а ей не из чего – и только если я ей уплачу, в этом случае она квартиру оставит за мной. Выехать же я собираюсь 26-го или, может быть, даже 25-го; так чтобы не вышло задержки.

Отговорь и причаститься я думаю в Нижнем, в конце Страстной, начиная с Пятницы.

Ну, прощай! Хозяйка несёт самовар. Надо чай пить. Целую тебя, маму, папу и детей.

Борис Садовский.

14 марта 1904.

Москва.

Поклон всем! Кланяйся.

* * *

В письме есть три примечательных аспекта, которые следует прокомментировать.

Первый – конечно же, брюсовский. Вообще, тема «Садовской и Брюсов» очень интересна. И,

хотя по ней есть публикации, она, на наш взгляд, весьма мало проработана: пишут лишь в журнально-библиографическом плане, затрагивается вопрос о непростых личных отношениях двух поэтов. А ведь Брюсов в творческой судьбе Садовского – знаковая фигура. Несмотря на то что в 1910-е годы Садовской решительно отмежевался от Брюсова, даже в запальчивости отказал ему в праве считаться художником (в чём, конечно же, впал в полемическую крайность), влияние его – и существенное – на собственное творчество и саму писательскую репутацию признавал. И потому весьма плодотворным был бы анализ произведений Садовского (первого периода, конечно же, связанного с «Весами») в контексте писательских достижений Брюсова, и этот вопрос мы предполагаем осветить в дальнейшем. А пока – несколько замечаний в связи с письмом Е.А. Садовской.

Датировано оно 1904 г., который стал судьбоносным для Садовского: первый год его сотрудничества в знаменитом символистском журнале «Весы». О приглашении его в этот журнал самим Брюсовым Садовской так писал в 1920-е в своих «Записках»: «13 марта в Историческом музее на лекции Бальмонта “Уолт Уитман” встретил я Брюсова. “Что вы никогда не зайдете в “Весы”?” – “Зайду непременно подписаться”. – “Да не подписаться, а я вам дам работу. Приходите во вторник”. В ближайший вторник я явился в редакцию “Весов”» [2, с. 152]. Практически то же повторил и в специальных воспоминаниях о «Весях» в 1930-е (правда, сопроводив диалог стилистической экспрессией). Признаемся, мы одно время полагали это нафантазированным, что обычно для Садовского-мистификатора, эффекта ради (надо же: сам мэтр и маг Брюсов в одно мгновение решил судьбу и мечтать не смеявшего о таком, никому не ведомого начинавшего стихотворца!), тем более что мемуары его были специфичны, художественны; не случайно, публикуя «Записки» Садовского, С.В. Шумихин счёл нужным в предисловии предупредить читателя: «...»Записки» – в значительной степени литературное произведение, ориентированное на особый “мемуарный” жанр. Ни исповедальности, ни спонтанности в этих писавшихся много лет после зафиксированных на их страницах событий мемуарах искать не приходится. По своему характеру “Записки” Садовского более всего напоминают воспоминания боготворимого автором А.А. Фета, о которых В.Я. Брюсов высказывался так: “Есть много автобиографий, особенно начиная с исповеди Руссо. Ни одна из них не избегла неискренности. Есть прямо лживые. Кажется, таковы воспоминания Фета”. “Он

не то чтобы придумал себе биографию, – пишет современный исследователь (И. Андреева. – *Ю. И.*), – так же, как он создал псевдоним из собственной своей фамилии (Садовский – Садовской), – переакцентировав, сгруппировав особым образом эпизоды, детали, персонажи семейной хроники, он написал художественную биографию» [2, с. 106].

И вот теперь перед нами письмо Садовского сестре Елизавете от 14 марта 1904 года; оно убеждает: все было именно так, как говорилось в мемуарах. В письме, по сути, дословно изложена, что называется по горячим следам, приведенная в «Записках» сцена с Брюсовым. Слишком это все было важно и значительно для Садовского в его молодые годы, чтобы как-то всё потом мистифицировать, подавать в каком-то выгодном для него свете (да ещё с возможным намеком: раз сам развенчанный им Брюсов подчеркнул значимость Садовского как писателя, то, стало быть, и подтверждалась правота последнего в их споре, в их противостоянии). Реальность ведь порой бывает ярче, поэтичнее, выразительнее, фантастичнее любой придумки, мифа, мистификации. И, согласитесь, как это веско звучит в письме частном, адресованном близкому родственнику, а не какому-либо литератору (впрочем, круг литературного общения у Садовского был тогда ещё очень и очень ограничен). И как это по-домашнему звучит, интимно, задушевно – в соответствующем контексте, среди доверительных строк (и даже по секрету) самому близкому в семье человеку, лучше всех понимающему его, – сестре Елизавете, которая до глубокой старости будет вести интереснейший в историко-культурном плане дневник, куда любовно будет заносить всё имеющее отношение к бытию семьи и куда перепишет и письма брата, в том числе и разбираемое нами в настоящей статье. Кстати, сестре же Елизавете столь же по-домашнему Садовской напишет о другом знаменитом поэте своей эпохи – А.А. Блоке – в ноябре 1910-го (и опять же сестра это перепишет в дневник): «Здесь был недавно поэт Блок; он очень милый парень» [3, с. 3].

* * *

Второй аспект разбираемого нами письма – впечатления автора об Ольге Павловне Михайловой. Увы, имя этой художницы практически не упоминается в обширнейшей литературе о Серебряном веке (сведения о её жизни и творчестве, её близких крайне скудны), а она заслуживает, чтобы о ней писали, талант её этого требует.

В Нижнем Новгороде недавно вышла интереснейшая книга, подготовленная известным краеведом И.А. Макаровым, – «Убиты до

смерти в уезде...»: Записки Петра Евграфовича Михайлова о событиях Пугачевской войны». Оказалось, автор этих записок Петр Евграфович Михайлов не кто иной, как родной дедушка Ольги Павловны! Публикация этой книги дала нам уникальнейший материал о родословной О.П. Михайловой, позволивший прояснить её духовный облик, её судьбу.

Заметим: кроме интереса сугубо нижегородского, краеведческого, книга эта имеет интерес и общероссийский, ибо представляет собой своеобразный комментарий к одной из строк знаменитого исторического труда А.С. Пушкина «История Пугачева»: «...убиты до смерти в уезде < Алатырском >: ... фурыер Василий Бабушкин, с женою Марфою Ивановою, и дочь его Елисавета...» [4, с. 132]. Строка эта из авторских примечаний к главе восьмой, где приводится список «жертвам Пугачева и его товарищей» [4, с. 132]. Из записок П.Е. Михайлова узнаем, что, помимо дочери Елизаветы, при Василии Бабушкине был трехлетний сын Евграф. Судьбе было угодно спасти его. У него родится внебрачный сын Петр; из-за невозможности считаться наследником отца-дворянина и носить его фамилию Петр будет «приписан к мещанскому обществу» [5, с. 89], получит фамилию крестной матери Михайловой. Трудной, полной лишений выдалась жизнь Петра Михайлова. Рано потерял отца, «остался сиротой при беззащитной матери», помочь которой «все друзья отца отказались» [5, с. 93]. Лукояновские родственники Ульянины, к которым обратилась мать в надежде на содействие в устройстве судьбы сына Петра, в насмешку вызвались отдать его в подпаски к своему пастуху: дескать, «он его образует и выведет в дворяне» [5, с. 94]. «После всего этого, – читаем в «Записках», – мать отдала меня в уездное училище в первый класс. На другой год я перешел во второй, где проучился четверть года, и по совету добрых людей меня перевели в школу живописи академика Ступина» [5, с. 95]. Проучившись у Ступина шесть лет, Петр Михайлов сдал экзамен на уездного учителя и работал в Сергаче и Алатыре. После смерти жены он переезжает в Нижний Новгород, где вторично женится – на Марии Львовне Лебединской, двоюродной сестре Н.А. Добролюбова. По-прежнему трудно живет, еле сводит концы с концами, чтобы обеспечить семью. Художнику по профессии, Михайлову приходится исполнять обязанности надзирателя лазарета и эконома в Нижегородском Александровском дворянском институте. В дальнейшем при содействии ставшего влиятельным губернским чиновником шурина И.Л. Лебединского он получает более доходную должность. Вы-

служивает чин титулярного советника, но потом снова попадает в череду жизненных неудач. И далее – самое горестное: умирают от туберкулеза малолетняя дочь и жена. «Заботу о вдовце и его детях взяла на себя младшая сестра умершей супруги – Александра Лебединская. Петр Евграфович ушел со службы. На Ковалихинской улице он купил или построил два дома, разбил вишневый сад и на доходы от этого хозяйства скромно жил. Ему, титулярному советнику, удалось получить личное дворянство. Поэтому один из его сыновей от второго брака сумел попасть в Александровский дворянский институт, другие дети тоже получили отличное образование» [5, с. 101–102], – читаем мы в краткой биографии П.Е. Михайлова, написанной И.А. Макаровым.

Старший сын Петра Евграфовича Андрей Петрович Михайлов (бывший, кстати, в родстве – через жену – с известным художником-классицистом Василием Кузьмичом Шебуевым) стал директором Нижегородского Александровского дворянского банка. Как нам сообщила бывшая сотрудница МБУК «Государственный орден Почета музей А.М. Горького» Н.Ф. Жадаева, А.П. Михайлов в течение многих лет вел семейный дневник, где писал о брате Павле: «В 1916 году, 20 июня, скончался брат Павел Петрович на 68 году жизни. 36 лет верой и правдой служил любимому земскому делу. И умер, не оставив детям ничего, кроме честного имени» [6]. Дочь Павла Петровича Ольга, видимо, унаследовала дедовские способности: стала художником. По сведениям, полученным нами от И.А. Макарова, она училась в Петербурге в студии И.Е. Репина, подавала большие надежды. Однако там же, в Петербурге, в совсем еще молодом возрасте тяжело заболела менингитом, болезнь прогрессировала, что привело к параличу. Жила долгое время в семье брата – Николая Павловича, банковского служащего. А потом, увы, она оказалась в доме инвалидов в Ветлуге... Была одинокой. В 1941 году умерла в том же ветлужском доме инвалидов. Архив её погиб; уцелели лишь некоторые рисунки, которые, увы, были сделаны в болезненном состоянии и уже не передавали былых творческих способностей мастера.

... Нам удалось разыскать некоторые письма Ольги Павловны, а также письма её друзей, где есть некоторые сведения о ней. Письма эти готовятся нами к публикации. «Нашим любимым и хрупким цветком» [7, л. 29 (об.)] называл Ольгу Павловну верный ценитель её творчества, талантливый поэт Юрий Сидоров, черты которого его друг Борис Садовской отразил в образе героя одного из своих романов. После

безвременной кончины Юрия Сидорова (в веневитиновском возрасте – 21 год) его почитатели издали его мемориальный поэтический сборник. Он особо ценен для нас и тем еще, что запечатлел образ Ольги Павловны – стихами, посвященными ей, и, конечно же, прекрасным графическим рисунком, исполненным ею, – «Памяти Юрия Сидорова» [8, с. 7]. И так получилось, что мемориальный сборник Юрия Сидорова стал памятью и о художнице-иллюстраторе: нигде больше её рисунки не публиковались (во всяком случае, нам об этом ничего не известно).

* * *

И, наконец, третий аспект письма – его своеобразное кольцевое обрамление. Здесь значим мотив чаепития, самовара. И он не случаен. Это знак того, как важно было для Садовского в огромном чужом городе подчеркнуть, прежде всего для себя, свою нераздельность с традициями родного нижегородского дома, атмосферой душевного, сокровенного единения с самыми близкими людьми. И подчеркнуть именно в письме домой. Через образ самовара, самый сокровенный образ Садовского как в творчестве, так и в жизни. Да, сборник стихов «Самовар», мифологизирующий этот образ и ставший самой известной, даже знаменитой книгой Садовского (его своего рода визитной карточкой), вышел в 1914 году, через десять лет после того, как было написано разбираемое нами письмо к сестре, Елизавете Садовской. Образ самовара вошёл в сознание Садовского ещё в раннем детстве, и не только как бытовой предмет, атрибут чайной церемонии, а как нечто принципиально иное. Упомянутая уже выше исследовательница И. Андреева так писала на этот счёт в послесловии к письмам В.Ф. Ходасевича к Садовскому: «... “Самоварная тема” закодирована в детском опыте писателя: не сочинена, не придумана, проходит через дневники как тема музыкальная, обогащаясь вариациями: здесь и домашний вечерний самовар, когда мальчик выпивает за вечер семь чашек чаю; и самовар у тетушки в гостях: в чай она опускает дольки апельсина; самовар на балконе деревенского дома, после того как собрана корзина ягод и сушится мокрая от росы одежда; и узорчатый самовар в гостях у нувориша, соседа по даче, под крики: “Пренэ!”, “Анкор!”, где роскошное чаепитие украшают коробка мармелада и дорогое платье хозяйки. Подростка томит мечта о собственном маленьком самоваре, и, для того чтоб купить его, четырнадцатилетний Борис подражается за три рубля копать ямы в саду у дяди (по копейке за яму, а собрать предстоит 3 р.)» [9, с. 445–446].

Такое ещё с детских лет переживание «самоварной темы» вызвало к жизни в дальнейшем своеобразный манифест о «самоварной мистике», с которым Садовской пришёл к читателю в самой главной своей, концептуальной книге 1914 года, о которой было сказано нами выше: «Самовар в нашей жизни, бессознательно для нас самих, огромное занимает место. Как явление чисто русское, он вне понимания иностранцев. Русскому человеку в гуле и шепоте самовара чудятся с детства знакомые голоса: вздохи весеннего ветра, родимые песни матери, веселый призывный свист деревенской вьюги. <...> Человек, обладающий самоваром, уже не одинок. Ему есть с кем разделить время, от кого услышать добрый совет, близ кого отогреться сердцем. Двое собеседников в сообществе самовара теплей сближаются, понимают нежней друг друга. <...> И, конечно, не чай в собственном смысле рождает в нас вдохновенье; необходим тут именно самовар, медный, тульский, из которого пили отец и прадед; <...> Самовар – живое разумное существо, одаренное волей; не отсюда ли явилась примета, что вой самовара неминуемо предсказывает беду? Но всё это понятно лишь тем, кто сквозь преходящую оболочку внешних явлений умеет ощутить в себе вечное и иное. Потребно иметь в душе присутствие особой, так сказать, самоварной мистики, без которой сам по себе самовар как таковой окажется лишь металлическим сосудом определенной формы, способным, при нагревании его посредством горячих углей, доставить известное количество кипятку» [10, с. 44].

«Самовар» predetermined литературную репутацию Садовского. Едва ли не большая часть откликов в печати касается этого сборника стихов. Образ самовара в тех или иных вариациях стал привычной (и едва ли не обязательной) темой в эпистолярной Садовского (потому его раннее письмо сестре Елизавете симптоматично в этом плане). Для иллюстрации этого тезиса приведем два ещё не публиковавшихся письма известных поэтов его эпохи. Первое, шутивное, С.М. Городецкого (после того как Садовской приходил к нему на квартиру и не застал его): «Боренька, ты < был > у меня сейчас с визитом? – самовар поёт, как виолончель. (Сглазил! Перестал петь). Обнимаю тебя и трясу крепко. Или это не ты был? Кто же тогда? Всё равно целую. Твой Сергей. 8. 3. 16 г.» [11, л. 1]. И второе, уже серьёзное, В.А. Рождественского, в надежде на сокровенное знакомство, родство душ: «Дорогой Борис Александрович! Я не знаю вас лично, но знаю Ваши книги. Это дает мне смелость послать Вам самый сердечный привет, потому что я Вас давно уже

люблю за русские березы, николаевские кивера и вечерние самовары. Мне грустно, что Вы в Нижнем, далеко от Петербурга и от Царского Села, потому что здесь только и проходит тень Пушкина – горестная и одинокая тень. Я очень надеюсь когда-нибудь встретиться с Вами. Всеволод Рождественский. 1925 г. Зима» [12, л. 1]. И пусть искомого родства не получилось, короткое это письмо – значимая страница в эпистолярной Садовского, поскольку в нём выражена важная идея: *вечерние самовары* здесь в едином ряду и в едином контексте с *русскими березами и николаевскими киверами*. Очень точно здесь подмечено главное в творческом и мировоззренческом самоопределении адресата как в дореволюционную пору, так и, что особенно важно, в послереволюционную.

И ещё два эпистолярных *самоварных* факта. Когда в конце 1920-х Садовской перебирался на жительство в Москву, в Новодевичий монастырь, он особо озаботился, чтобы ему непременно подыскали подходящий самовар. И живший в Новодевичьем поэт и переводчик Д.С. Усов в ожидании приезда Садовского в подробностях извещал его о результатах поисков: «...желание Ваше мне весьма понятно. <...> Самовар стоит у меня, Надежда Ивановна (жена Садовского. – Ю. И.) его видела, но осложнение следующее: в Москве его не берут в полуду (олова нет). Кроме того, самовар нуждается в некоторой починке (нет одной шишечки и нет крышки). Зато его уступают теперь за 8 руб. Надежда Ивановна считает, что самовар хороший, и спросит своего знакомого мастера, не вылудит ли он (а может быть, в Нижнем скорее возьмут, чем в Москве?) Прилагаю рисунок (срисовал, как умел) – вмещает он стаканов 12, сделан из желтой меди, как поет – не знаю» [13, с. 544, 549]. Ну а потом, из Новодевичьего, из «кельи» своей, в самом конце 1940-го, Садовской (напомним: разбитый параличом калека) писал давнему, ещё с дореволюционных времен, знакомцу – Корнею Чуковскому (кстати будет заметить, в одном из последних известных нам писем, и это представляется символическим): «Я ходить не могу и руками владею не свободно; в остальном же сохранился. И только в этом году завел очки для чтения. Живу под церковью в полной тишине, как на дне морском. Голубой абажур впечатление это усугубляет. Встаю в 6, ложусь в 12. Женат с 1929 года и вполне счастлив. У нас четыре самовара (старший – ровесник Гоголя), ставятся они в известные часы и при известных обстоятельствах. Жена моя знала когда-то латынь и Канта, но теперь, слава Богу, все забыла. Зато и пельмени у нас, и вареники, и кулебяки! Пальчики

оближете» [14, с. 192]. Юмор, горькая ирония, конечно же, но и сознание нравственной правоты своей, духовной крепости, вынесенной из тяжких жизненных испытаний, о чем тоже и поведал Чуковскому: «Мы не видались 25 лет. Я все это время провел наедине с собой, не покидая кресла, и приобрел зато такие внутренние сокровища, о каких и мечтать не смел. Былые мои интересы перед нынешними то же, что горошина перед солнцем. Форма одна, но в содержании и в размере есть разница» [14, с. 192].

Цитируемое письмо к Чуковскому с неизбежностью приводит на память эпилог романа «Петербург» «совесовца» Садовского Андрея Белого, где дана духовно-нравственная эволюция сына сенатора и революционера-террориста Николая Аполлоновича Аблеухова: «Кант? Кант забыт. <...> видели его в церкви; говорят, что в самое последнее время он читал философа Сквороду» [15, с. 291, 292]. В комментарии к «Петербургу» С. Пискунова и В. Пискунов отмечали: «Переход Аблеухова-младшего от Канта (“Кант забыт”) к Сквороде – это символический жест расставания с рационалистической, обреченной на низвержение в “египетскую” бездну хаоса и иррационализма культурой Запада и приобщения к миру России, миру русского слова» [15, с. 643]. К Сквороде, творческое наследие которого – как «первого русского философа» (В. Эрн) – актуализировалось в период литературной молодости Садовского, последний питал стойкий интерес. Делал выписки из его произведений в своих рабочих тетрадях, считал важным послать книжку его переводчику и поэту Д.С. Усову. Сквородинскими мотивами насыщено эссе «Святая реакция (Опыт кристаллизации сознания)», выразившее после-революционное мировоззренческое кредо автора. И символично, что Садовской ввел знаменитого философа, «русского Сократа», в роман «Пшеница и плевелы», которым в определенной мере подводил итоги своей литературной деятельности и о котором, как о чем-то значительном в своей судьбе, извещал Чуковского в том же письме. Скворода здесь – концептуально значимая фигура, именно с его философией связано формирование взглядов истинного праведника Соломона Михайловича Мартынова, увы, отца убийцы Лермонтова: «В ранней юности, кочуя с полком по малороссийскому раздолью, любил < он > беседовать на хуторах и пасаках с украинским мудрецом Сквородой. От него узнал юный прапорщик немало важных истин: о внутреннем и внешнем человеке, о плане мира, о познании себя. Пламенный старец перемежал вдохновенные речи игрой на свирели. <...> В книжном шкапу Соломона Михайлыча три пол-

ки. На верхней большая Елизаветинская Библия в темно-коричневом с медными застежками переплете, творения святых отцов и требник Петра Могилы. На корешках желтой кожи тисненные серебряные литеры; обрез красный. Среднюю полку занимают Кантемир, Ломоносов, Державин, Петров, Херасков; труды Карамзина-историографа, Дмитриева-министра, Жуковского, воспитателя царских детей, храброго партизана Дениса Давыдова, кривого Гнедича, Козлова-слепца, Батюшкова, что сидит в сумасшедшем доме. <...> Все книги в синем и зеленом сафьяне, с золотым обрезом. Нижняя полка для умозрительных и религиозных трактатов. Тут и Фомы Кемпийского “О подражании Христу”, и “Серафимский цветник” Иакова Бема, и Эккартсгаузена “Ключ к тайнствам природы”, и “Приключения по смерти” Юнг-Штиллинга, и “Наркисс” Григория Саввича Сквороды» [16, с. 96, 104].

Итак, среди самых нужных, душеполезных книг С.М. Мартынова – знаменитый трактат Сквороды о самопознании, об обретении себя и Бога, а стало быть, и мира, человечества, вселенной. И отметим при этом: данный трактат именно на нижней полке: он – то, что и в буквальном смысле ближе всего, доступнее, всегда под рукой. И ещё: он заключает, завершает, венчает список книг, начатый Библией. И от владельца вышеозначенной библиотеки, от почитателя Сквороды, читатель романа вполне естественно перебрасывал мостик к самому автору его, к Садовскому. Вот, к примеру, замечательное по выразительности лирическое отступление «Пшениц и плевел», перекликающееся с мотивами философии Сквороды (и примечательно: оно на перекрестье первой и второй частей, из которых приведены нами выше строки портрета Соломона Михайлыча): «Свободу мою стесняет ли Бог? Никак. Во власти у меня быть кем захочу: и собеседником ангелов, и бессловесным животным. Пусть не небесный я, зато и не земной; хоть не бессмертный, но по истине не смертный. Должен ты стать, о человек, сам своим художником. В сердце у тебя семена всех Божьих миров; цвет и плоды сообразны будут уходу. Ежели ты возлелеешь пшеницу, пшеницу и соберешь; ежели станешь воспитывать плевелы, – плевелы и получишь. В сердце твоём скорпионы, ехидны, адские пропасти, но там же Тридесятьный свет невечерний, жизнь вечная, райское царство: там все» [16, с. 101]. Это, несомненно, мысли самого автора, его беседа с собой. И это как раз те внутренние сокровища, о которых говорилось в письме Чуковскому, и, что важно, в контексте образа самовара. Последний лишь на первый

взгляд может казаться чем-то шутовским (аж целых четыре самовара ставятся!), а, по сути, им обобщается вся содержательная сторона письма, из этого образа выводится вся философия бытия. И совершенно неслучайно в упоминавшихся тут же «Пшеницах и плевелах» всеведущий старец Печерского монастыря «самоваром называет молитву» [16, с. 109].

Чего стоили Садовскому обозначенные выше «внутренние сокровища» – может дать представление ещё один любопытный эпистолярный документ, и в нём снова актуализируется кантовский мотив Андрея Белого. Это письмо последнему Садовского в очень тяжёлую для него пору, когда за сокрушением его физической сущности (параличом) последовало сокрушение монархии, без которой немислимой была жизнь: «... Вот уже более 5 лет терзает меня *tabes dorsalis* (сухотка спинного мозга. – Ю.И.). Усиление этой болезни совпало с кровавыми и разрушительными ужасами последнего двухлетия и в общем превратило жизнь мою в кошмарную пытку. <...> за это время пережил я огромный духовный кризис. Очутившись глаз на глаз со своею внутреннею пустотой и вырванный из условий прежней внешней жизни, я стал искать спасения у мудрецов. Кант помог мне мало, а Шопенгауэр сделал то, что меня дважды вынимали из петли. Жажда смерти особенно мучила меня последнее время, и только в силу случайности я остался жив. Попытался я прибегнуть к религии, но православие после 27 февраля 1917 г. мне стало чуждо, а припасть к ногам Христа прямо от себя я не могу и не смею. <...> Ваше слово хочу услышать обо мне. Мой страшный опыт дает мне на это право. Есмь ли я умершее для жизни зерно или погибшая душа, заживо обреченная геенне? Катарсис ли все это или только смерть? Врачи определили у меня круговое помешательство (циклотимию). Прострите ко мне братскую руку помощи, не дайте погибнуть. Совет Ваш приму за указание свыше» [14, с. 456–457]. Совета от былого «совесовца» не последовало, да и какой тут мог быть совет?.. Но, как бы то ни было, предуказанный им ещё в 1913-м, «Петербургом», путь – от Канта к Сковороде, спасительный путь, Садовской в итоге избрал. Это было собирание себя, нравственное сосредоточение, осознание единства своего с кругом самых близких и дорогих сердцу людей, с сокровенным миром святоотеческих традиций и обычаев – то, что провозглашалось некогда знаменитым сборником «Самовар», его манифестом о «самоварной мистике».

Мы не знаем, был ли ответ Чуковского на письмо Садовского, но в некотором отношении

таким образом можем считать мастерски исполненный литературный портрет нашего героя в книге Корнея Ивановича «Илья Репин», обращенный уже к памяти его. Удивительно ли, что рефреном стала в нём именно самоварная тема? Вот некоторые строки литературного портрета: «Тихий самоварный уют, провинциальная домовитость, патриархальность, семейственность были <...> его идеалом. Связанный всеми корнями со своей нижегородской усадьбой Романовкой, со своим домом и садом, он бывал в столицах лишь наездами и чувствовал себя здесь чужаком. Не проходило и месяца, как его уже тянуло обратно – к своему родному самовару. Все современное было враждебно ему. Большой любитель и знаток старины, он усердно стилизовал себя под человека послепушкинской эпохи <...> На него надвигались две мировые войны и величайшая в мире революция, а он пытался отгородиться от этого неотвратимого будущего идиллическим своим «Самоваром», стихами своего боготворимого Фета, бисерными кошельками, старинными оборотами стилизованной речи. Конечно, здесь была и литературная поза, но было и подлинное – сознание своей обреченности. При всем том это был неплохой человек: надежный друг, занятный собеседник» [17, с. 668].

Определяющие черты этого портрета: чуждость столицам, органическое неприятие жизни вне завещанных предками традиций, тоска по Дому, малой родине – преисполняются для нас особым значением при соотнесении их со следующими сокровенными мыслями Садовского в разбираемом нами письме сестре Елизавете: «Отговорить и причаститься я думаю в Нижнем, в конце Страстной, начиная с Пятницы». Как бы ни складывалась жизнь, какие бы дела ни задерживали, для Садовского необходимо, чрезвычайно важно было быть в родном Нижнем, дома, среди близких, у самовара именно в особо чтимые дни православного календаря, в Пасхальную и Рождественскую пору, на Масленицу, в Великий пост... Это питало его душу, его творчество. И об этом у Садовского немало тёплых, душевных строк в самых разных письмах.

* * *

Обобщим: широчайший контекст был у мотива чаепития и самовара в письме Садовского обожаемой сестре в самом начале его первого «весовского» московского года. И мотивом этим автор закольцевал его (тем самым своеобразно обобщил), весь строй своих важных мыслей и дум, которые поверялись близкому человеку: им начал и им же закончил. Изящный композиционный ход, хотя, может быть, и произвольный, спонтанный, что, впрочем, толь-

ко подчеркивает его ценность. И уже этим, помимо прочего, письмо примечательно. Дает понять, сколь шепетильно, трепетно будет относиться Садовской-художник к поэтике произведения. Характерными для него приёмами организации текста станут: принципиальное использование эпиграфов, причём в самых разных произведениях – художественных и нехудожественных; кольцевое обрамление; мастерски срежиссированная дробность, а порой и фрагментарность повествования (вот как, к примеру, изъяснялся Садовской насчёт своих «Пшениц и плевел» в письме Чуковскому: «... теорию прерывности воплотил я в романе, состоящем из 150 лоскутков, как бы ничем не связанных» [16, с. 192]), в сочетании с подчеркнутым лаконизмом и даже минимализмом на уровне как целого, так и составных частей; диалог двух содержательных планов – явного и тайного; метатекстовые отсылки.

... Казалось бы, совсем рядовое, частное, домашнее, «по случаю» было письмо студента Садовского из Москвы в Нижний. Но сколь много оно говорит нам, сколь значимо в плане постижения закономерностей житейской и творческой судьбы мало пока еще оцененного незаурядного писателя Серебряного века Бориса Садовского.

Примечания

1. Публикуется впервые, с рукописного автографа (архив Н.А. Яковлевой).

2. Знаменитая в дореволюционное время булочная Филиппова в Москве на Тверской улице. У истоков фамильного пекарного дела был Максим Филиппов, а его сын Иван создал фирму «Филиппов Иван наследники». У внука Максима, Дмитрия, в новом здании на Тверской открылся «Торговый дом Д.И. Филиппова». В сентябре 2017 г. сеть «Хлеб Насущный», возрождая былые традиции, открыла первое кафе-пекарню «Филипповъ» (Тверская, д. 17).

Булочные Филиппова неоднократно упоминались в произведениях русских классиков. В круг их включим и друга Б. Садовского – замечательного писателя Серебряного века С.Н. Дурылина, наследие которого, по сути, только сейчас открывает для себя читатель. В его книге воспоминаний «В родном углу» есть целая глава, где с бесподобным художественным блеском, в полном смысле аппетитно рассказывается, как дореволюционная Москва вкушала и филипповскую выпечку, и все-все, что обобщается понятием «хлеб насущный» (так и называется глава из дурылинской книги), и тут, конечно же, говорится и о чаепитии и, что символично, упоминается Садовской со сборником «Самовар»...

3. О поэте-символисте Константине Дмитриевиче Бальмонте Садовской не раз будет писать в своих произведениях – в литературной критике, беллетризованных мемуарах, повести «Табакерка», романе

«Шестой час». Так, в последнем он представит Бальмонта как выразителя духа Серебряного века – эпохи, накликавшей революцию, погубившую Российскую православную монархию.

4. Коровин Константин Алексеевич (1861–1939), Серов Валентин Александрович (1865–1911) – гениальные русские художники, коллеги – преподаватели Московского училища живописи, ваяния и зодчества (МУЖВЗ) и художественной школы Е.Н. Званцевой – и друзья по жизни. При отсутствии конкретных сведений о биографии О.П. Михайловой мы можем лишь предположить, что она была студенткой МУЖВЗ либо проходила курс обучения у Званцевой.

5. Карелин Андрей Осипович (1837–1906), нижегородский фотограф, основоположник жанра художественной фотографии, живописец; придерживался приемов академической эстетики. Энтузиаст художественного образования нижегородцев. Свыше тридцати лет вел занятия в вечерней школе рисунка и живописи, давал бесплатные уроки желающим, в том числе Елизавете Садовской. Она часто упоминает о нем в дневниках; вот самая интересная для нас запись от 6 марта 1903 года: «Карелин сказал сегодня, что, видно, я умею рисовать. Я ужасно рада» [18, с. 273].

6. Беспокойство отца об университетской успеваемости сына было небесспорно. Борис Садовской числился студентом университета с 1902 по 1911 гг., но так и не окончил курса, предпочел диплому звание литератора. Вот как он будет писать отцу в 1910 г.: «Университет все на точке замерзания. Я все думаю, не поздно ли мне, – ведь служить я не способен, тем паче быть учителем, писательство возможно и без диплома, если же испишусь, всегда можно существовать где-нибудь в Управе, т. е. по земству. И надо ли? В тридцать лет и начинать все сначала! В мои годы иные бывают уже надворными советниками» (15 окт.); «Вопрос об Университете» оставляю пока открытым. Дело в том, что, живя в Москве, я не имею сил успевать и там, и тут, – и в литературе, и в экзаменах, т. к. занятия литератором дают мне средства к жизни» (28 окт.) [19, л. 34–34 (об), 36].

7. Ведерников Борис Николаевич, бывший одноклассник Садовского в Нижегородской гимназии. К сестре его, Верочке Ведерниковой, Садовской одно время испытывал серьезную сердечную привязанность.

Список литературы

1. Изумрудов Ю.А. К вопросу об издании литературного наследия Бориса Садовского // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 6. С. 181–189.

2. Садовской Б.А. Записки (1881–1916) // Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.). Вып. 1. М., 1991. С. 106–183.

3. Садовской Б.А. Письмо Е.А. Садовской от 16.11.1910 г. С. 1–3 (архив Н.А. Яковлевой).

4. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 17 т. М.: Воскресенье, 1995. Т. 9, кн. 1. 522 с.

5. «Убиты до смерти в уезде...»: Записки Петра Евграфовича Михайлова о событиях Пугачевской

войны / Публикатор, автор послесловия И.А. Макаров. Нижний Новгород: НОВО, 2017. 108 с.

6. Выписки из семейного дневника Шебуевых-Михайловых (архив Н.Ф. Жадаевой).

7. РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 191. 45 л.

8. Сидоров Ю.А. Стихотворения. М.: Альциона, 1910. 103 с.

9. Ходасевич В.Ф. Некрополь. Литература и власть. Письма Б.А. Садовскому. М.: Согласие. 464 с.

10. Садовской Б.А. Морозные узоры: Стихотворения и письма. М.: Водолей, 2011. 568 с.

11. РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2 Ед. хр. 86. 2 л.

12. РГБ. Отдел рукописей. Ф. 438. Карт. 4. Ед. хр. 28. 2 л.

13. Усов Д.С. «Мы сведены почти на нет...». Т. 2. Письма. М.: Эллис Лак, 2011. 768 с.

14. Садовской Б.А. Заметки. Дневник (1931–1934) // Знамя. 1992. № 7. С. 172–194.

15. Белый А. Сочинения: В 2 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 2. 671 с.

16. Садовской Б.А. Пшеница и плевелы // Новый мир. 1993. № 11. С. 92–150.

17. Чуковский К.И. Современники: Портреты и этюды. М.: Молодая гвардия, 1962. 704 с.

18. Садовская Е.А. Дневник. 1899–1903. 314 с. (архив Н.А. Яковлевой).

19. РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 277. Л. 159.

HISTORICAL-LITERARY AND BIOGRAPHICAL COMMENTARY ON B.A. SADOVSKOY'S LETTER TO E.A. SADOVSKAYA

Yu.A. Izumrudov

The aim of this work is to present a historical-literary and biographical commentary on the letter by B.A. Sadovskoy to his sister E.A. Sadovskaya, dated March 14, 1904 and first published here. Particular attention is given to the aspects of the letter related to Sadovskoy's creative work, including his relationships with V.Ya. Bryusov and the painter O.P. Mikhailova (practically unknown to the researchers of Russian Silver Age culture). The motif of samovar, conceptually relevant for the insight into ideological background of the writer, is also emphasized. The question about the influence of G. Skovoroda's philosophy on Sadovskoy is raised in the article. Letters by S. Gorodetsky and V. Rozhdestvensky are first laid open to the public. The study is based on the use of biographical and cultural-historical methods.

Keywords: B.A. Sadovskoy, E.A. Sadovskaya, V.Ya. Bryusov, O.P. Mikhailova, G.S. Skovoroda, K.I. Chukovsky, image of samovar, poetics.

References

1. Izumrudov Yu.A. K voprosu ob izdanii literaturnogo naslediya Borisa Sadovskogo // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2017. № 6. S. 181–189.

2. Sadovskoj B.A. Zapiski (1881–1916) // Rossijskij Arhiv (Istoriya Otechestva v svidetel'stvah i dokumentah XVIII–XX vv.). Vyp. 1. M., 1991. S. 106–183.

3. Sadovskoj B.A. Pis'mo E.A. Sadovskoj ot 16.11.1910 g. S. 1–3 (arhiv N.A. Yakovlevoj).

4. Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenij: V 17 t. M.: Voskresen'e, 1995. T. 9, kn. 1. 522 s.

5. «Ubyty do smerti v uезде...»: Zapiski Petra Evgrafovicha Mihajlova o sobytijah Pugachevskoj vojny / Publikator, avtor poslesloviya I.A. Makarov. Nizhnij Novgorod: NOVO, 2017. 108 s.

6. Vypiski iz semejnogo dnevnika Shebuevyh-Mihajlovyh (arhiv N.F. Zhadaevoj).

7. RGALI. F. 464. Op. 2. Ed. hr. 191. 45 l.

8. Sidorov Yu.A. Stihotvoreniya. M.: Al'ciona, 1910. 103 s.

9. Hodasevich V.F. Nekropol'. Literatura i vlast'. Pis'ma B.A. Sadovskomu. M.: Soglasie. 464 s.

10. Sadovskoj B.A. Moroznye uzory: Stihotvoreniya i pis'ma. M.: Vodolej, 2011. 568 s.

11. RGALI. F. 464. Op. 2 Ed. hr. 86. 2 l.

12. RGB. Otdel rukopisej. F. 438. Kart. 4. Ed. hr. 28. 2 l.

13. Usov D.S. «Мы сведены почти на нет...». Т. 2. Письма. М.: Эллис Лак, 2011. 768 с.

14. Sadovskoj B.A. Zаметki. Dnevnik (1931–1934) // Znamya. 1992. № 7. S. 172–194.

15. Belyj A. Sochineniya: V 2 t. M.: Hudozh. lit., 1990. T. 2. 671 s.

16. Sadovskoj B.A. Pshenica i plevely // Novyj mir. 1993. № 11. S. 92–150.

17. Chukovskij K.I. Sovremenniki: Portrety i ehtyudy. M.: Molodaya gvardiya, 1962. 704 s.

18. Sadovskaya E.A. Dnevnik. 1899–1903. 314 s. (arhiv N.A. Yakovlevoj).

19. RGALI. F. 464. Op. 2. Ed. hr. 277. L. 159.